

ИЗУЧЕНИЕ ФОЛЬКЛОРА И МИФОЛОГИИ В РАМКАХ КУРСА «ЭТНОПСИХОЛОГИЯ»: ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Курс «Этнопсихология» как часть обновленной программы подготовки специалистов на отделении психологии факультета философии и социальных наук БГУ впервые будет предложен студентам IV курса, специализирующимся в области социальной психологии, во втором семестре 2011/2012 учебного года. При разработке программы курса возникла проблема отсутствия белорусских учебников и учебных пособий по соответствующему предмету и полное отсутствие либо весьма фрагментарное присутствие в российских и украинских учебно-методических материалах ссылок на ведущих мировых ученых второй половины XX – начала XXI в., то есть, фактически, их анахроничность [1; 2]. Западноевропейские и американские учебники, лишенные этого недостатка, во-первых, предназначены скорее для самостоятельной работы, чем для учебного процесса, во-вторых, более для профессиональных исследователей, нежели для студентов [3; 4; 5]. Кроме того, в этих учебниках (точнее, handbooks – сборниках обзорных статей) крайне редко упоминаются культуры постсоветского пространства и совершенно ничего не говорится о Беларуси. Иными словами, приходится делать выбор между эмпирической релевантностью и теоретико-методологической адекватностью либо создавать авторскую программу с опорой на все имеющиеся в распоряжении материалы и специфическое решение обозначенной проблемы для каждого отдельного случая.

Особенно остро проблема конфликта между содержательной релевантностью и методологической корректностью встает в связи с ролью и местом в курсе «Этнопсихология» изучения фольклора и мифологии. В первом приближении включение данной тематики представляется необходимым и самоочевидным: еще основатель психологической науки В. Вундт в XIX веке утверждал, что мифология наряду с языком и традициями составляет предмет «психологии народов», первой непосредственной предшественницы современной этнопсихологии. Однако программа «психологии народов» не имела прямых последователей, поскольку не располагала ни собственными методами самостоятельного получения эмпирических данных, ни собственными интерпретационными ресурсами для теоретизирования. Поэтому вариант простого накопления фактов не может быть принят в качестве основного при изучении этнопсихологии.

Следующим и также принадлежащим истории науки этнопсихологическим направлением является школа «культура и личность», существовавшая в первой половине прошлого века в США в тесной связи с социальной и культурной антропологией. В отличие от В. Вундта, Ф. Боас,

М. Мид и Р. Бенедикт предложили как собственную исследовательскую методологию (включенное полевое наблюдение), предполагающую прямой непосредственный контакт с изучаемой культурой, так и способ интерпретации эмпирических данных, близкий к психоанализу. В качестве конечной цели предполагалось выявление черт «модальной личности» как психологического прототипа, относительно постоянного во времени и определяющего принадлежность отдельно взятой личности к тому или иному этносу. Поскольку неизменность во времени постулировалась в качестве основного признака «модальной личности», фольклор и мифология признавались важнейшим источником информации, иллюстрирующим преемственность прошлого и настоящего.

Проблема данной версии этнопсихологического изучения фольклора заключается в ее имплицитном примордиализме. Представление о том, что современные этнонациональные культуры являются преемницами примордиальных общностей, требует для своего подтверждения намного более существенных доказательств, чем те, которыми сторонники примордиализма к настоящему времени располагают. Не случайно представители направления «культура и личность» были склонны обращаться к экзотическим и по преимуществу так называемым примитивным культурам, что содержит в себе имплицитный расизм, изначально ставя не только исследователя, но и его потенциальную аудиторию в привилегированное положение по отношению к представителям изучаемой культуры, исключая возможность диалога, например, в формате современного «многоголосого исследования». Предположение о существовании неизменных, следовательно, непреодолимых фундаментальных (достаточно значимых для того, чтобы стать предметом исследовательской парадигмы) качественных различий также приводит к дегерменевтизации вопроса о возможности межкультурного понимания, сводя ее к одностороннему объяснению культурно-специфического деиндивидуализированного объекта со стороны претендующего на универсальную рациональность индивидуального субъекта.

Отдельную опасность представляет собой содержащееся в теоретическом конструкте «модальной личности» смешение личностного и надличностного уровней, восходящее к метафоре мегантропоса, активно использовавшейся немецкими романтиками. Данное метафорическое уподобление общества структуре отдельной личности, во-первых, связано с иррационалистической традицией европейской мысли, скорее богемной, нежели академической, во-вторых, вызывает до сих пор не преодоленные затруднения при интеграции подобных построений в стандартную модель социальных наук, в-третьих, больше напоминает уподобление соответствующим мифологическим мотивам, чем критическое дистанцирование, необходимое для интерпретации.

Современный этап психологического изучения этнонациональных культур связан с одновременным и скорее параллельным, нежели взаимодополняющим развитием двух исследовательских программ – кросс-

культурной и культурной, но и культуральной, психологии [4]. Первое из этих направлений в большей степени представлено в учебно-методической литературе и, соответственно, интегрировано не только в научную, но и в учебную сферы, второе по причине своей антипозитивистской направленности, несмотря на определенную историю, по-прежнему самопозиционируется как авангардное.

Кросс-культурная психология возникает в 1960-е годы XX века в США как попытка применить к исследованию психологических аспектов культуры позитивистскую метапарадигму в социальных науках. Целью кросс-культурных исследований является построение на основании эмпирических исследований шкалы, позволяющей разместить национальные культуры друг относительно друга по степени выраженности определенного психологического параметра – так называемого культурного синдрома, – который не формулируется на основании какой-либо теории, но выводится индуктивно, обычно посредством факторного анализа. Примером такого культурного синдрома является индивидуализм-коллективизм, причем неправомерно именовать какую-либо культуру индивидуалистической либо коллективистской в абсолютном смысле, можно только указать на то, какие другие культуры она превосходит по степени индивидуализма либо, напротив, коллективизма. Столь же значимым ограничением является четкая дифференциация индивидуального и культурно-странового уровней (например, некий отдельный представитель более коллективистской культуры может демонстрировать более индивидуалистические ценности, чем другой отдельный представитель иной, относительно более индивидуалистической культуры) на основании статистической закономерности нормального распределения.

Казалось бы, подобный математизированный эмпирицизм оставляет крайне мало пространства для изучения фольклора и мифологии. Действительно, конструктор автор произведений фольклора не в состоянии заполнить опросник или дать интервью. Тем не менее, даже позитивистская кросс-культурная психология оставляет некоторое пространство для освоения фольклора, причем не в науке, а именно в учебном процессе. Один из пионеров данного направления Г. Триандис предлагает начинающим кросс-культурным психологам знакомиться с произведениями, отражающими традиционные представления и практики экзотических культур, для развития транскультурной сенситивности [3].

Понятие транскультурной сенситивности не получает в работе Г. Триандиса эксплицитного определения, но из контекста можно сделать вывод о том, что под данным термином понимается способность отказа от этноцентрических стереотипов и предубеждений, готовность понимать другую культуру посредством ее собственных категорий и представлений о рациональном, целесообразном, моральном, прежде всего – интерес к аутотелическому изучению конкретной специфики другой культуры без поспешных обобщений, столь свойственных направлению «культура и личность».

Действительно, можно предположить, что чтение экзотических и занимательных текстов является более привлекательным начальным этапом освоения академического курса, чем анализ статистических таблиц коэффициентов корреляций. Однако здесь возникают три затруднения, решение которых пока не представлено в соответствующей литературе.

Во-первых, остается неясным, по каким критериям следует выбирать конкретные фольклорные произведения, рекомендуемые студентам. Даже если учесть очевидные требования наличия качественного перевода на доступный студентам язык и объем, несколько уступающий «Махабхарате», остаются непроясненными критерии релевантности и репрезентативности. Проблема релевантности состоит в выборе между одинаковым количеством текстов по каждому культурному региону, увеличением количества текстов и/или детальности их интерпретации по мере приближения к собственной культуре студентов либо, напротив, уделением основного внимания наиболее географически и мировоззренчески удаленным и, соответственно, трудным для понимания культурам. Первый вариант способен сформировать ментальность космополитического, а не провинциального ученого, второй – задействовать ресурсы обыденного знания, третий – адекватно оценить сложность работы кросс-культурного психолога и преодолеть психологические барьеры этноцентрического обыденного мышления. По нашему мнению, изучению фольклора каждого региона следует уделять равное время и внимание, поскольку это согласуется с обозначенной выше общей логикой кросс-культурного исследования, при этом последовательность изучения должна выстраиваться от наиболее удаленного региона по отношению к собственной культуре студентов. Поскольку это дает наибольший эффект остранения и позволяет выработать необходимую способность интерпретировать свою культуру с позиции Другого, а также конкретных других. Проблема репрезентативности определенных фольклорных жанров и текстов для каждой культуры не может быть решена в общем виде и предполагает, как идеальный вариант, создание международной сети кросс-культурных психологов и фольклористов, заинтересованных в сотрудничестве. Вместо общих критериев отбора текстов здесь целесообразно применять конвенциональный подход к истине.

Во-вторых, возникает проблема оценки успешности данного этапа освоения курса «Этнопсихология». В отличие от способности грамотно оперировать понятийным аппаратом современной кросс-культурной психологии и применять математический аппарат, транскультурная сенситивность с трудом поддается какой-либо операционализации, пусть даже на уровне субъективной оценки. Разумеется, транскультурная сенситивность, как следует из предложенного определения, не сводится ни к простой толерантности, ни даже к априорно позитивному отношению к другим этнонациональным культурам и готовности наделить их кредитом доверия, но представляет собой аналитическую способность. Для решения данной проблемы нами предлагается в качестве ключевого критерия способность студента интегрировать этнопсихологию в общий курс

подготовки психологов, то есть оперирование понятийным аппаратом других, более универсальных областей психологической науки для интерпретации фольклорного произведения, установления диалога, продвижения в его понимании «от произведения к тексту». При этом важно избежать наивного психологизма, например ошибочной трактовки жанровых канонов как проявлений индивидуальности автора. Для этого необходимы экспертные консультации филологов, прежде всего – фольклористов, начиная с ранних стадий составления программы курса и заканчивая экспертизой контролируемых самостоятельных работ студентов, возможно, с организацией совместных мероприятий студентов-психологов и филологов.

В третьих, вполне оправданные сомнения вызывает роль развития транскультурной сенситивности в становлении кросс-культурного психолога. Подобное качество требуется для сбора эмпирических данных, в особенности для преодоления организационных трудностей, чем при проведении массовых опросов занимаются не специалисты, а обученные рекрутеры, и для составления собственных опросников, что при масштабных исследованиях могут позволить себе только представители крупных международных исследовательских ассоциаций. Основным видом работы большинства кросс-культурных психологов является количественная обработка и качественная интерпретация имеющихся баз данных, что не требует транскультурной сенситивности, которая в этом контексте может даже неоправданно акцентировать внимание на несущественных деталях и препятствовать выработке общей картины. В то же время, транскультурная сенситивность является ключевым критерием профессиогнальной пригодности практикующего кросс-культурного психолога. Следовательно, изучение фольклора может играть в кросскультурной психологии как части академического курса роль связующего звена между научной и прикладной сторонами. Однако для этого необходимо включение в программу курса современного фольклора и постфольклора, что представляется нам совершенно невозможным без помощи соответствующих специалистов.

Наиболее очевидные и, вместе с тем, наиболее интересные перспективы для этнопсихологического изучения фольклора открывает культурная психология – направление, объединяющее социально-конструктивистские углубленные исследования уникальных особенностей отдельных культур посредством качественных методов, как правило – дискурсного и нарративного анализа. Данные методы являются изначально междисциплинарными, поэтому изучение этнопсихологии на данном этапе открывает широкие возможности для формирования профессиональной идентичности не только психолога, но и современного специалиста-гуманитария.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Стефаненко, Т. Г.* Этнопсихология: учебник для высших учебных заведений / Т. Г. Стефаненко. – М, 2007.

2. *Льовочкіна А. М.* Етнопсихологія: Навч. Посібник / А. М. Льовочкіна. – К., 2002.
3. *Triandis, H.C.* Culture and social behavior / *H.C. Triandis*. – NY, 1994.
4. *Smith, P. B.* Social Psychology Across Cultures / *P. B. Smith, M. H. Bond*. – London, 1998.